

Радуга огня

Необходимое в данный момент предисловие

В 2005 году руководство администрации города Новокузнецка попросило наше издательство выпустить к Дню Победы хорошую книжку для ветеранов Великой Отечественной войны и тружеников тыла на местном материале. Мы с энтузиазмом взяли за этот оригинальный эксклюзивный проект и сделали его, что называется, на одном дыхании, руководствуясь идеями гуманизма и возможностью сохранить в книге память о суровом прошлом наших родителей, дедов и прадедов. Когда все было сделано к назначенному сроку, у заказчика вообще не нашлось никаких средств, чтобы хоть как-то продвинуть этот проект. Поэтому книга осталась в единственном экземпляре.

Теперь с помощью интернет-технологий мы вместе с известными поэтами России, Кузбасса и Новокузнецка все-таки получили возможность отдать дань памяти старшему поколению.

Григорий Шалакин,
заслуженный работник культуры РФ,
составитель книги «Радуга огня».
14 февраля 2013 года.

Ветеранам Великой Отечественной войны
и труженикам тыла города Новокузнецка
посвящается,

издательство «Кузбасская книга»,
2005г.

У Новокузнецка древняя и славная история. На протяжении веков, в мирные дни и трудные годы испытаний наши земляки показывают примеры трудового энтузиазма, военной доблести и героизма. Ратные подвиги и трудовые достижения новокузнецчан, особенно металлургов, ковавших во время Великой Отечественной войны 1941–45 годов броневую щит Родины, показательны для Кузбасса и всей России.

Поэтому поэты всегда искренне и с душевной теплотой стремились привлечь к ним внимание других людей, сделать происходящее достоянием всего индустриального Кузнецкого края и великой страны. Не менее примечательна новейшая история города. Он растет, развивается, благоустраивается. Хорошеют его старые парки и скверы, подрастают новые аллеи, устремляются ввысь современные здания оригинальной архитектуры, строятся добротные дороги и транспортные развязки.

Все это делается для того, чтобы новокузнецчане чувствовали себя уютно и комфортно, чтобы ветераны видели, как молодежь настойчиво продолжает их добрые традиции. И эта книга — свидетельство глубочайшего уважения к старшему поколению, перед которым преклоняем колени и по-прежнему остаемся в неоплатном долгу.

Мой город

1

Иду, в людской поток вливаясь,
Как в речку малый ручеек.
Я не боюсь, что затеряюсь,—
Мне люб клокочущий поток!
Мне по душе упругость будней —
Работа на пределе сил,
Я не страшусь того, что трудно,
Мне этот ритм до боли мил.
Пусть жизнь вокруг меня клокочет!
Не оттого ли мне светло,
Что я в руках своих рабочих
Несу ей силу и тепло?

2

Уменьшалась ночь, как сигарета,
Лез рассвет к бессонному окну,
Город мой, по-зимнему одетый,
Провожал промерзшую луну.
Надо мной, подернута ознобом,
Золотыми красками соря,
Вслед за первой выхваченной пробой
Шла желанной плавкою заря.
И напрасно ночь меня держала,
Чтоб узнать, как варят эту сталь,
Лишь мелькнуло огненное жало,
Разлилась сияющая даль.

И напрасно ночь меня пытала,
Почему в разлуке, как в хмелю,
Так и рвусь я в город этот алый,
Почему я так его люблю.

3

Сад металлургов не позирует —
Он обмер с головы до пят,
И тополя, как композиторы,
Могучей кучкою стоя
Прислушались они задумчиво
К вечерней музыке огней.
Ее нельзя, нельзя заучивать,
А можно лишь тянуться к ней.
Сугробы выхвачены лампами,
Какой-то тайный мир открыт,
И ночь обветренными лапами
Втолкнуть в свой замок норовит.
Гремит, растет импровизация
Новокузнецкой тишины.
Мне в сердце самое вонзается
Снежинка с черной вышины.

4

В Новокузнецке снова иней,
Он в тополиный рост высок.
Березка смотрит, как княгиня,
Хоть кланяйся ей в поясок.
Богато убранные клены
К земле спустили рукава,
И возникают отдаленно
Любимой теплые слова.
Они звучат, не умолкают,
И пар, что выдыхает их,
Уже в деревья замерзает,
Клубится в сумерках седых.
А наплывает из тумана
На нас с тобою целый сад —
Любимые своим желанным

О многом нынче говорят.
И я вернулся, я не вынес —
Удрал от писем от твоих.
Новокузнецк глядит, зайнясь,
И счастье делит на двоих.

5

Он к ней в Кузнецк, как в Лету канувшей,
спешит, дорогой утомлен.
Да, это он, вчерашний каторжник —
и гений будущих времен.
Преодолевший все препятствия,
такой же друг ей, как и враг,
он добивается согласия
на этот невозможный брак.
Они обвенчаны. Обвенчаны.
Она выходит на крыльцо...
Взгляните в скорбное лицо
судьбу свою понявшей женщины.
Взор заслонила боль растущая,
вдохнуть всей грудью не дает.
Решилось: жизнь ее грядущая
к ее созданьям перейдет.
Тесна одежда подвенечная.
И губы сохнут, как полынь...
Невыносимо быть предтечею
его тревожных героинь!
Они его волнуют, мучают
и жертвы требуют большой...
Сопротивлялась странной участи
она неслабою душой.
И все ж ни волей, ни сознанием
не защитилась, не спаслась.
Венца кузнецкого сиянием
необратимо облеклась.

6

Давно я не был в «Коммунаре»
и встретил массу перемен:

«Пожалуйста»,— в унылом баре
сказал мне в бабочке бармен.
Над утонченным интерьером
из модных звуков кавардак,
у стойки к западным
манерам стремится стойкий сибиряк.
Он не свободен от пороков,
зато в мечтах — киногерой
и, потянув «коктейль из соков»,
вообразил, что он ковбой.

х х х

Рабочий ритм до боли мил

7

Но было все не так, когда,
Вдруг предъявив права,
Внезапно хлынула вода
В глубокий котлован.
Все было проще:
Глина. Грязь.
Потом — вода по пояс,
И кто-то выкрикнул:

«Вылазь!
Затопит с головою!»
И кто-то струсил, может быть, —
Вода плечом нажала.
И телеграфные столбы
Тревога зашатала.
По проводам летела весть:
Держись! Крепись ребята!
И комсомол ответил:
Есть!
И крепче сжал лопаты.
Над котлованом ночь плыла,
Раскинув черные крыла.
Прожекторов слепящий свет
В осенней путался листве.
Работа шла.
Вгрызались в дно
Лопаты тяжело.
И холод лапой ледяной
Царапал тело зло.
Но грела юные сердца
Мечта суровых лет:
Всю жизнь бороться до конца,
За счастье на земле.
И был он вовсе не герой —
Сережка Боровой,
Когда пришел на Кузнецкстрой
С веселою братвой.
Он просто песни петь умел
Страну свою любил
И для работы не жалел
Ни рук своих, ни сил.
И он работал за троих,
Когда пришла беда.
И перед мужеством таких
В ту ночь сдалась вода.

Исходил я вдоль и поперек.
Исходил не как турист. Работал
С жаром сердца в восемнадцать лет!
И нередко подмокал от пота
С силуэтом Ленина билет.
И взирают горы удивленно:
— На Кузнецк идет, идет руда.
Здесь в краю пихтовом, обновленном
Есть частица моего труда!

9

Скрипит простуженно рулетка,
Мотая ленту на бока.
Он — первый.
Он — ведет разведку
Дороги Сталинск — Абакан.
Ты тут о нем услышишь много
Хороших, самых теплых слов.
В жизнь настоящую дорогу
Здесь выбрал Миша Звездаков.
Он вынес все — дожди и стужу.
Его ветра толкали в грудь.
Но я уверен, если нужно,
Он вновь прошел бы этот путь.
Таким, как он, и ныне снятся —
Тайга, заносы на пути.
Ему едва-едва за двадцать,
А может — нет и двадцати.

х х х

Звездный фейерверк

10

Я не найду, пожалуй, новых слов —
Их до меня давно уже сказали —
О высоте мартеновских цехов,
О емкости печей, закалке стали.
Когда пришел сюда я в первый раз,
Не о стихах я думал, изумленный:
Кругом была жара, и, точно газ,
Струился воздух, знойный, раскаленный.
Здесь каждый метр огнем был опален,
Дыхание печей всего касалось.
Здесь человеку места нет, казалось.
Но он здесь был, и всем тут правил он!
Спокойно сталевар стоял у печи,
Устало на лопату опершись
И опустив натруженные плечи,
Следил за плавкой.
Крепче, сталь, варись!
А время шло. Сварилась сталь, что надо!
Все по местам! Дается плавка в срок.
Неудержимым золотым каскадом.
Рванулся в желоб огненный поток,
Шипя и пенясь, весело пошел,
Как водопад по тесному ущелью.
И сотни искр взметнулись над ковшом,
В глаза бросаясь яростной метелью.

11

Бушует печь, гудит в угаре,

В ее глазах весь мир померк,
Вдруг радуга огня ударит,
Рассыпав звездный фейерверк.
И цех осветится огромный,
Картина — прямо для души:
По-дружески подносят домны
Мартенам полные ковши.

х х х

Вольная земля

12

Опять в краю моем сибирском
Гудят шмели, цветут поля
И дышит вольная земля
Таежной грудью богатырской!
Мой край, суровый и святой
Своею верностью России,
В безоблачной рассветной сини
Цветет улыбкой молодой.

13

Ты стоишь, как в траве ромашка,
Над тобой березок отдыми,
И плыву я к тебе вразмашку
По широкой и теплой Кондоме.
Я плыву, а меня относит,
Не справляюсь никак с течением.

Машешь веточкой на откосе,
Будто просишь за что прощение.
Веткой машешь. Но где ты, где ты?
Гаснет образ твой в дымке тающей.
Обнимаю я каждым летом
Луг ромашковый, отцветающий.

14

Ведь знаю, что Сибирь огромна
а разлучусь — всего то лишь
речонка вспомнится Чумыш
среди сумрачной таежной дремы.
Свет сердца с этим уголком
связала лескою рыбацкой
играющая поплавок
волна, шальная по-ребячьи.
И на вокзалах, на причалах
я слышу, словно наяву,
то радостный, а то печальный
далекий чей-то зов: — Ау!

15

В иных незнакомых местах
мне чудится, верится даже,
что будто в каких-то летах
я здесь побывал не однажды.
И видел платок голубой,
и синий узорчатый ставень,
и мостик над речкой Абой.
И это не ложная память.
Далекой-далекой родней
нам в память заложены гены,
чтоб жить на отчизне родной
со вкусом аборигена.

16

Люблю костры с полынным дымом
И вас, таежные костры.
в моей душе неразделимы

Тайга и степь, как две сестры.
К тайге иду я в те минуты,
Когда на радость жизнь скупа.
Там в междугорье вьется круто
Травой заросшая тропа.
Там к снеговому перевалу
Другой пройти когда-то смог.
Иду, иду
И легче стало.
А вязь проселочных дорог,
Пшеничный колос, гроздь рябины —
Для той строки, что вся светла.
Ведь от нее, степной равнины,
Русь задушевная пошла.

х х х

Уходили навстречу войне

17

Я помню, как войне навстречу
Ты на рассвете уходил,
Над тихо дремлющим заречьем,
Припав к реке, туман дымил.
А мы стояли у излуки,
Тяжелой связаны бедой,
И вслед тебе тянулись руки
С одной надеждой и мольбой...
Ты не пришел, ты не вернулся,

Но жив во мне — в моей беде,
В моем дыхании и пульсе,
В моих стихах, в моем труде!

18

Мелькают за окнами сосны,
Разъезды вдогонку бегут.
Как все это сложно и просто:
Сквозь годы нас в юность везут.
Везут... колоколят колеса,
Промокшие версты шуршат.
Уставшие, будто с покоса,
Гвардейцы — товарищи спят.
А мимо, как пули со свистом
Товарные мчат поезда.
И снова во мне, как горнисты,
Трубят грозовые года.
И снова окопные будни,
И снова тринадцать мне лет...
Как песня, рожденная трудно,
Встает над землею рассвет.
По нивам ржаным, как пехота,
Седые туманы ползут.
И снова гвардейские роты
На штурм Кенигсберга идут.

19

Отцы уходили,
Хмуря лицом.
Деревня им в след голосила.
И я со своим
Попрощался отцом
И слезы сдержал через силу.
Отцы уходили
На голос войны.
Печально скрипели подводы
И в след им глядели
Тревожно сыны
Рожденья тридцатого года.

Родные мальчишки,
Погодки,
Друзья, —
Мы рано тогда возмужали.
В те годы в деревне,
Наверно, не зря
Мужчинами нас называли.
Нас слабость душила,
Нас голод качал,
Недетские гнули заботы,
Но вынесли мы
На ребячьих плечах
Большую,
Мужскую работу...
Мы твердо ступаем
С тех пор по земле —
Нас верить
Война научила
В двенадцать неполных
Мальчишеских лет
В терпенье, упорство и силу.

20

Военные годы. Военные годы...
Пайки, похорожки и вдовьи невзгоды.
Вся жизнь — как на бочке, набитой взрывчаткой,
И все-таки жили, влюблялись девчата.
Несладко прослыть незамужней солдаткой,
И все же девчата любили украдкой,
Рожали солдатских детей беспризорных
И знали, что это не будет зазорно,
Что после, когда не вернутся солдаты,
Мальчишки в пыли будут ползать у хаты,
И в день, как уж некому вроде бы в поле,
Мальчишка пойдет с семенами в подоле,
Пойдет по земле, по полям заозерным
И бросит надежды последние зерна,
И зерна взойдут, бурно вымахнут в колос...
Спасибо, солдаты, за вашу рисковость!

21

В войну мы почтальона ждали
И от калиток, от ворот
За ним, бывало, наблюдали —
Как он по улице идет.
Тревожно, замерев на месте,
и старый знал и молодой:
Легко идет — с хорошей вестью,
Устало, медленно — с худой.
Теперь не носят похоронок,
Но в сердце, чувствую, кольнет,
Когда, встречая почтальона,
Замечу —
Медленно идет.

22

В эти дни крутого восхожденья
На вершины новых ратных дней
С радостью узнал я о рожденьи
Кемеровской области моей.
Трепетало зарево пожаров,
И сквозь дрему, в холоде ночей,
Видел я кузнецких сталеваров,
Освещенных заревом печей.

23

Навстречу смерть им стелется
из амбразур горит,
Но прямо сквозь метелицу
идут богатыри.
Вы, звери, псы залетные,
смотрите до конца,
Как ярость пулеметную
закрыли их сердца.
А струи пуль смертельные
по их сердцам свистят,—
Стоят они отдельные,
но как бы в ряд стоят.

Их кровью залит пенною,
за дзотом дзот затих,
Нет силы во вселенной,
чтоб сдвинуть с места их,
И взвод рванул без выстрела —
в штыки идет вперед,
И снег врагами выстелен,
и видит дзоты взвод.
И называет доблестных
страны родной сынов:
Герасименко, Красилов,
Леонтий Черемнов!

24

Их взяли
Тронутыми гарью
На поле, выжженом дотла,
Одна была немецкой сталью,
Другая русскою была.
Но сталевары
С равной честью,
Свою лишь взглядом отличив,
Две стали положили вместе
В огонь мартеновской печи.
Война!
Она и сталь калечит.
Мартен — как госпиталь, и в нем
Ее, изломанную, лечат,
Ей возвращают жизнь огнем.
Чужая сталь,
С ее виною,
С позной метою креста,
Омытая целебным зноем,
Как наша,
Стала вдруг чиста.
Чиста,
Как в первое плавленье,
Когда она перед войной
Еще ждала предназначенья

Стать трактором и бороновой.
И потому
Не странно даже,
Что, становясь все горячей,
Она, чужая,
Вместе с нашей
Сливается в один ручей.

25

В углу — шинели. Сбиты, мяты.
На них огня и пуль следы.
Она их штопает средь хаты,
Но тех, с кого шинели сняты,
Уже не вырвешь из беды.
«А может быть, — и сердце стынет
От страшной мысли у швеи, —
Вон та шинель родного сына,
А эта — мужа. Вся в крови».
Продольный след,
Сквозной и рваный.
Знать от штыка. Он вкось идет.
И словно бинт она на рану
Заплату бережно кладет.
А по щекам, что сына грели
И мужа чуяли тепло,
Что раньше срока постарели,
Слезами горе потекло.
Пришел рассвет. Он сине-матов,
Как непроглядный дым в окне.
Строчит машинка автоматом
Здесь — в сиротливой тишине.

26

Вспомним снова атаку и бой,
Ты тогда был такой молодой.
И жара над рекою плыла
И былинка в окопе цвела.
Мы с тобою грустим о том,
Как далек наш несбыточный дом.

Там подруга с победой ждала
А потом грянул выстрел и враз
Молодая мечта взорвалась.
Жизнь вздохнула и молча ушла,
А когда хоронили тебя,
И твоих побратимов-ребят,
Над березами песня плыла
И былинка в окопе цвела.

27

В сини майского утра
Над бессонным селом
Пробасил репродуктор
Темным, спекшимся ртом:
Треснул череп рейхстага,
Дым поднял бункера,
Вслед за пламенным стягом
Громыкает «Ура!»
Сняв винтовку, с которой
Шел все годы подряд,
На ступеньках истории
Закурил наш солдат.
Словно след от салюта,
Легкий дым голубел.
И, казалось мне, будто
Я с ним рядом сидел.
Улыбался устало
Всенародный герой,
И медалью сияло
Солнце над головой.

28

Не на китах, а на Иванах
Стояла и стоит она!
Как мать, к могиле безымянной
Щекой прильнула тишина.
А чуть поодаль — две березы,
Как вдовы скорбные стоят,
И не роса — земные слезы

На листьях, на ветвях дрожат.
О, сколько их немых курганов,
Понаворочала война!
А в тех курганах спят Иваны.
И матерям их не до сна.

29

Когда земля цветет лучистым маем,
А дни его — огнями красных дат,
С какой мы острой болью вспоминаем
Войною похороненных солдат!
Живут они, как будто не убиты,
В сердцах друзей, и матерей и вдов.
Живут, врагами даже не забыты,
Герои тех сороковых годов.
Но мчится время жестко и упрямо,
Фронтовиков сужается все круг,
И умирают старенькие мамы,
И вдовы превращаются в старух.
Так неужели где-то в дальней дали
Придут такие горькие года —
От жизни тех солдат, что в битвах пали,
На свете не останется следа?
Нет! И тогда, когда уже не будет
Ни матери, ни друга, ни жены,
Ни холмика —
Земля их не забудет
Под вечным солнцем в мире тишины.
Земля о них расскажет в блеске росном,
Любой высотке — памятник живой:
Где взрыв чернел
Фонтаном смертоносным,
Весной березам вспыхивать листвой!
Русь не однажды в будущие годы
Почтит их память в громе майских гроз
У вечного огня самой природы —
У пламени зеленого берез.

30

Давным-давно
Не носим мы погон,
Не жмут в плечах
Армейские шинели.
Война прошла,
Уснул ее огонь,
И небеса над миром
Рассинелись.
Как хорошо,
Что мирен жизни ход,
Что мы с тобою —
Бывшие солдаты
И что на каждый
Сорок первый год
Есть в жизни свой —
Победный сорок пятый.

31

В тот день изба,
как в праздник светлела,
Из печи пахло полем яровым.
И скатертью широкою и белой
Стол накрывался с утренней поры.
В послевоенный год еще тяжелый
Все лето ели только лебеду.
Мать говорила голосом веселым:
«Ну, пережили, кажется беду».
И надевала платье дорогое,
Улыбкой именинницы цвела,
И гладила нас ласковой рукою,
И каравай большой на стол несла.
Крестилась в светлый угол
наша бабка:
«Всевышний отче, нас не забывай».
Вокруг стола теснились мы на лавках —
Нам солнышком казался каравай.
Отец его самозабвенно резал,
От запаха горячего пьянел:

«А ну, сынки,— шутил,—
вам хлеб полезен».
И сам впервые за год вдоволь ел.
И улыбнулся: «Пусть пугает небо,
Пусть снег летит на желтое жнивье».
А мать несла на стол еще нам хлеба,
И светлым счастьем наполнилось жильё.

32

Давайте все припомним не спеша,
Дороже дней былых на свете нету,
Как ликовала каждая душа,
Когда встречала родина Победу.
Пусть помнит мир и сохранит в веках
Салют побед и дни святой печали.
Победы флаг в израненных руках
Мы бережно над миром поднимали.
Победа! Здравствуй, милая моя.
Разлей вино, чтоб помянули снова,
Так рано поседевшие друзья
Твой подвиг и священный, и суровый.
Мы поредели, как редееет лес,
Живой воды на всех нас не хватило.
Но мы кянемся вновь отдать земле
Последние мгновенья, дни и силы.
Победа! Здравствуй, милая моя.
Надень свои награды и наряды.
И пусть улыбки над страной горят.
И маршалы командуют парадом.
Мы не отдали Родину в полон,
И будем вечно помнить день вчерашний,
Боль деревень, израненные пашни,
Паденье и позор чужих знамен.
Победа! Здравствуй, милая моя.
Ты победила праведно и круто.
И в этот день пусть соловьи не спят,
Не гаснут наши вечные салюты.

Подобен выходу царя

33

В технике,
Искусстве
И в науке
Славлю человеческие руки!

34

Величавей, огромней
Я дива не видывал—
Встала первая домна,
Как невеста на выданье.
У нее ухажеров —
Можно сбиться со счета.
На нее целый город
нынче
смотрит с
почетом.

Парни
в стеганках ватных
Хлопочут вокруг.
Женихи или сваты —
Разберешься не вдруг.
Молода и красива,

Принаряжена, прибрана.
Посредине Запсиба
Встала Домна Запсибовна

35

У домен есть своре отличие.
Здесь выход чунгуна не зря
Торжественностью и величием
Подобен выходу царя
Пред башнею, где руды плавятся,
Все, кто в заботах ночь не спал,
Стоят и ждут: сейчас появится
Его Величество Металл.
Он вышел.
Люди расступаются,
Растроганные красотой.
Идет — и звезды осыпаются
С его короны золотой

36

Возьми, Запсиб,
меня в ученики!
Заставь забыть
про строки, про бумаги.
Как привлекают к службе,
Привлеку к ответственности,
Долгу и отваге,
Впряги в работу,
Приведи к присяге,
поставь к станку —
Привычкам вопреки.
И пусть, Запсиб,
Средь мастеров твоих
Не мастером я буду —
Подмастерьем, —
Дай мне надежно
Выверить свой стих
Тем, что мы строим.
Тем, во что мы верим.

Предай накал
Звучанию строки.
Возьми, Запсиб,
Меня в ученики.

37

Будто отсветы солнца
У меня на лице
Мимо красные волны
Катит огненный цех.
Я слежу удивленно
За движеньем листа —
Словно в праздник знамена
Полыхает металл.
До чего же красиво!
Как возвышен здесь труд!
Славу мировой России
Эти люди куют.
И понятно мне стало:
В богатырском труде
Входит крепость металла
В души наших людей.
Эта крепость и сила
Для того нам нужна,
Чтобы крепла Россия,
Молодая страна.

х х х

Край лесов и медовых рек

38

Зазеленел и пробудился лес,
и, подчиняясь шуму вод и гулу,
послушно заиграл в ответ оркестр
торжественную увертюру.

За годы, что на свете провела,
весенних дней видала я немало,
и всякий раз, в любые времена,
торжественная музыка звучала.
И всякий раз волшебник дирижер
с загадочною палочкой своею
то приводил в неистовство рожок,
то увлекался вдруг виолончелью.
Опять любясь этим мудрецом —
и наша жизнь отнюдь не скоротечна,
и в воздухе прозрачном

со скворцом
легко парит певучая скворечня.

И, как перстом, указывая путь
по островкам цветной земной палитры,
взлетает палочка на дирижерский пульт,
потом перлетает на пюпитры.

Весна и жизнь, несите вдаль меня.

На ваших нотах ярко пламенеют
великих музыкантов имена,
и ваш оркестр фальшивить не умеет.

39

Три женщины любимых, три печали
У трех дорог меня всегда встречали.
Три женщины любимых, три огня
От злых напастей берегли меня.
Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле,
За них готов молиться день и ночь —
Храни их Боже: мать, жену и дочь.

40

Люблю тебя, не знаю даже как:
Как любят звезды на беззвездном небе,
Как летом любят бесконечный снег,
Как любят страны, где ни разу не был.
Я жду тебя, не знаю даже как:
Как ждут дождя в иссохшейся пустыне,
Как ждут при свете солнца полумрак,
Как первых слов извечно ждут немые.
Тебе я верю, но не знаю как:
Как верят первой лжи, наверное,
Как дети в чудо верят невпопад,
Как верят в первый раз,
Открыв для счастья двери.

41

Я — снег.
Я упаду к твоим ногам.
Я буду таять
На губах твоих горячих.
Я буду нежен, буду чист.
Ты лишь подставь
Ладони мне, не прячь их.
Я — ветер.
Я пришел тебя обнять
И петь мои
Таинственные песни.
Я сам открою

Храм твоей души,
Войду
И вылечу твои болезни.

42

Уж коль вам Родина — от Бога,
то знайте вы: из года в год
ведет обычная дорога
на стройку, в поле, на завод.
Сквозь все невзгоды и ненастья,
как испокон заведено:
в работе ведать смысл и счастье —
такое избранным дано!

43

Храню я России любимое имя,
Святые ее города.
Сегодня моя голова поседела ,
И Русь заблудилась во мгле.
И вновь, как отцы,
мы за правое дело
Готовы стоять на земле.
Из глуби веков поднимаются силы,
На помощь отчизне спешат.
Кузбасс и Россия,
Кузбасс и Россия,
Вы — сердце мое и душа.

44

Шагаю травами густыми.
Росой усыпана земля.
Не от росы ли твое имя,
Россия, родина моя?
Все от тебя, безмерно щедрой:
И снеговые гряды гор,
И смоляная терпкость кедра,
И тишина лесных озер,
И то веселое радушье,
С которым встречный по тропе

Расскажет, как таежной глушью
Пройти сподручнее тебе.
Иду к закатам и рассветам,
Иду в росе твоих дорог,
И если б мог я сделать это —
Твой каждый шаг и каждый вздох
Я бы облегчил и сберег.

45

Страна родимая — Россия!
Цветами убранный шатер.
Неописуемо красивый
Полей и рек твоих простор.
Твоей с вином янтарной чаши
Не расплескал никто вовек.
Живет среди лесов и пашен
Здесь русский гордый человек.

46

Я помню руку ласковую, мамину.
Она простынку стлала под меня,
А родина была такой же маленькой,
как колыбелька детская моя.
Я помню двор: кричаще, ослепительно
шагали куры, выставив зоба,
а родина была уже вместительна,
как этот двор и русская изба.
И год от года, постепенно, исподволь
мир отдвигал все дальше рубежи,
и доверяла родина мне исповедь,
в которой все явления свежи.
И с каждым разом,
если что-то пройдено,
я думаю все чаще и ясней:
чем больше человек, тем больше родина,
а значит, и понятие о ней.

47

Солнце жжет.

И река медовая
так и льнет к берегам крутым.
Смотрят в воду леса еловые
из опаловой высоты.
Свежим ветром и зноем
скрученный,
От истома дымится стог,
и бежит
по речным излучинам
говорливая нить дорог.
О, Сибирь!
Моя мать и родина.
Край лесов
и медовых рек,
где в истоме висит смородина,
и в оврагах не тает снег.
В тень присядешь,
и где-то около
росы сбросит со спинки лист,
в перелеске сова заохает,
пролетит комариный свист.
Хмель уложит витое золото
на пенек — проходи за стол!
Дятел клювом,
как будто молотом,
застучит в перегнивший ствол.
И усталость застрянет
в пройденном,
липкой смолкой уснет в коре.
О, Сибирь!
Моя мать и родина.
Край лесов и медовых рек.

48

Я горжусь успехами Кузбасса,
Слаженной командой боевой.
Будет жизнь в Кузбассе улучшаться,
Есть у нас надежный Рулевой.

Кузнецкий край нам дорог с детства,
Он и наследство, и судьба.
Есть у России наше сердце,
И это сердце — наш Кузбасс.
Когда спускаемся в забои,
И из металла льем мечи,
Кузбасса сердце молодое
В груди у каждого стучит.
Мы держим крепкими руками
Родной земли горячий пласт.
Своими чудо-горняками
В России славится Кузбасс.
С годами силы не погасли,
И вновь, как много лет назад,
Под гордый марш энтузиастов
Мы строим жизни город-сад.
Мы клятву мужества сдержали,
Она вела к победам нас,
Огнем угля и силой стали
Отчизне помогал Кузбасс.
Сибиряки не ждут приказа,
Чтобы родной земле помочь,
Мы все рождением из Кузбасса,
Мы все сумеем превозмочь.
И мы своей жизнью клянемся,
Что в самый решительный час,
Мы выдержим,
мы не согнемся,
Страна может верить в Кузбасс!

Содержание

Мой город
Рабочий ритм до боли мил
Звездный фейерверк
Вольная земля
Уходили навстречу войне
Подобен выходу царя
Край лесов и медовых рек

В книге использованы стихи
новокузнецких, кузбасских
и российских поэтов:

Игоря Агафонова
Евгения Буравлева
Бориса Бурмистрова
Василия Гордымова
Ольги Гришиной
Георгия Доронина
Валерия Зубарева
Игоря Киселева
Анатолия Кислицына
Виктора Коврижных
Анатолия Козлова
Виталия Крекова
Геннадия Лебедева
Александра Лобановского
Павла Майского
Владимира Мамаева
Валентина Махалова
Михаила Небогатова
Любови Никоновой
Владимира Петраша
Александра Пинаева
Николая Пискаева
Николая Тихонова
Алексея Томилова
Василия Федорова
Глеба Холоденина
Николая Чиркова
Геннадия Шемелина

Литературно–художественное издание

«Радуга огня»

Составитель
Григорий Шалакин
Редактор
Людмила Зайцева
Художник
Василий Кравчук

Фотоиллюстрации
Сергея Косолапова,
Юрия Романова,
из архива Администраций города Новокузнецка
и Кемеровской области

Компьютерный набор текста,
корректор
Дмитрий Гришин
Компьютерная верстка
Юрий Думов

Подписано к печати 3.05.2005.

Гарнитура.
Печать офсетная.
Тираж 1 экз.

Издательство «Кузбасская книга».
Кемерово, ул. Абочная, 41.
Отпечатано в ЧП «Бочаров» и
ООО «ОКУ-Издательство Летопись».
Кемерово, пр. Октябрьский, 53/2.

Г.Т. Шалакин. Составление. 2005
В.П. Кравчук. Оформление. 2005.